

И. Гарлан

ПОСЛЕДНИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ГРЕЧЕСКОЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКИ НА ЗАПАДЕ

Изучение греческих амфор всегда было одним из ярких достижений русской археологии. Между тем, начиная с середины XX века, это направление также активно стало развиваться на Западе, а именно в США и Франции. На определенном этапе тесные отношения научной дружбы, вопреки политическим и лингвистическим границам, установились между секцией de l'Académie des Sciences и исследовательским центром Саратовского Университета¹.

Именно этим объясняется сегодня, после нескольких десятилетий тесного сотрудничества, мое участие в этом сборнике, где я постараюсь, главным образом с западной точки зрения и, обращаясь большей частью к примерам, полученным в ходе собственной работы над материалами Северной Эгейды и побережья Черного моря, подвести суммарный итог последним достижениям в области изучения греческих керамических клейм². Ниже я попытаюсь осветить: I) краткую историографию вопроса; II) состояние дисциплины к 1980 г.; III) разработку методики её изучения на протяжении последней четверти прошлого века; IV) гипотезы, касающиеся конечной исторической цепи клеймения; V) те идеи, которые в настоящее время можно извлечь, после новой интерпретации клейм Аканфа.

I) Краткая историография вопроса

Коллекционирование, пока еще случайное, греческих амфорных клейм началось в первой половине XIX века по инициативе путешественников или местных антикваров, особенно интересовавшихся древними надписями любого вида, особенно там (как, к примеру, на берегах Черного моря), где редко встречались более престижные крупные лапидарные памятники.

¹ Центр организован В.И. Кацем и С.Ю. Монаховым. В течение 1980–1990-х гг., я смог осуществить многочисленные поездки по территории бывшего Советского Союза, где я получил доступ к некоторым разделам IOSPE III и свободно работал в фондах некоторых музеев. За это я выражаю искреннюю благодарность.

² Я не буду приводить здесь полную библиографию. В сокращённом виде она присутствует в моей монографии «*Amphores et timbres amphoriques grecs. Entre érudition et idéologie* (Р., 2000)». Дополнение к ней содержится в материалах Конференции, которая проводилась в Collège de France в июне 2006 г.

Таким образом, к середине XIX столетия были поставлены, или решены, правда, несколько беспорядочно, некоторые существенные вопросы: идентификация оттисков отдельных крупных центров клеймения (Родос, Фасос, Книд); дано описание различных элементов, фигурирующих в клеймах; сформулированы первые гипотезы о цели амфорного клеймения и т.д. Многие из предшественников амфорной эпиграфики пользовались, впрочем, в мире гуманистариев некоторой известностью: как, например, Л. Стефани, П. Беккер и В.В. Шкорпил – русские по гражданству или происхождению, а также англичанин Ж.Л. Стоддарт, немец К. Шуххард и француз А. Дюмон, затем, на заре XX века датчанин Г. Нильссон и русский Е.М. Придик – авторы первых документальных корпусов керамических клейм.

Но настоящие создатели греческой амфорологии, превратившие её в специальный раздел источниковедения, стали работать только немногим ранее середины XX века: я имею в виду прежде всего советского исследователя Бориса Николаевича Грекова и американку Вирджинию Грейс.

Глубокому и аналитическому уму первого мы обязаны локализацией клейм некоторых крупных производственных центров (Синопы и Гераклеи Понтийской³), систематизацией исследовательских методов, воспитанием многочисленных и активных учеников (что проходило в идеологической обстановке, благоприятной для развития «археологии артефактов»), а также замечательным корпусом (который остался в рукописной форме) *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini* (IOSPE) III, содержащим около тридцати двух тысяч клейм (частично иллюстрированных), собранных на территории Советского Союза до 1955 г.

Вторая из корифеев – Вирджиния Грейс – занималась на Западе тем же, чем и Б.Н. Греков на Востоке. Привлекая для датирования клейм информацию, полученную в ходе изучения стратиграфии раскопок памятников, осуществленных в тот период (в частности, американской Школой), она с бесконечным терпением приумножила списки и фотографии не только амфорных клейм, но и амфор и была первой, кто подверг последние научному изучению. На этом основаны некоторые её фундаментальные статьи с классификациями различных серий клейм (а именно, родосских, кидских и фасосских) и о цели клеймения, сохраняют значение до настоящего времени. Не менее важен тот факт, что ею был предоставлен свободный доступ к собранному материалу, находящемуся в фондах весьма посещаемого Музея Агоры в Афинах.

Несмотря на наши дружеские связи, В. Грейс, между тем, чуть было не заставила меня отказаться от занятий амфорологией по обстоятельствам, о которых я собираюсь упомянуть, поскольку они мне кажутся поучительными. В 1965 г. Жорж До, директор французской Школы, попросил меня составить список около 1250 клейм, недавно обнаруженных на Фасосе. Что я и сделал, но не собирался далее следо-

³ Между тем, амфорное производство в Геракле пока не идентифицируется с абсолютной уверенностью.

вать в этом направлении, поскольку исследовательская методика Вирджинии Грейс произвела на меня обескураживающее впечатление. Затем судьба подхватила меня и снова привела к амфорам, но несколько анекдотическим способом. В 1977 году о Фасосе мне вновь напомнил покойный Пьер Амандри, преемник Жоржа До по руководству французской Школы в Афинах, который предложил заняться переделкой и пополнением корпуса *фасосских амфорных клейм*, опубликованного в 1957 г. Антуаном и Анной-Марией Бон в сотрудничестве с Вирджинией Грейс. Это произошло в то время, когда, как я заметил, изучение фасосских клейм ещё имело некоторый шанс в сторону прогресса, который при привлечении новых методов датировки и анализа позволял выйти на новые исторические перспективы: иными словами, речь шла не о том, чтобы сделать «лучше» или «больше», чем это осуществила В. Грейс, но делать «иначе». Таким образом, заинтригованный «необычным» набором клейм в составе партии из приблизительно двадцати экземпляров, найденных Франсуа Сальвия на южном берегу острова десятилетием ранее, я оказался там в 1977 г. и стал исследовать со следующего года свалку керамики, относящуюся к амфорной мастерской Кукоса. Мой интерес, или моя страсть, к амфорам (как фасосским, так и остальным) больше не прерывались.

Это, впрочем, относится больше к 1980-м гг., к периоду смены поколений, когда греческая амфорология почти везде переживала невероятный подъём. Молодые исследователи расширили относительную самостоятельность своей дисциплины и разделили ее на некоторые микро-специальности, что предоставило широкие возможности для изучения как амфор, так и амфорных клейм. Умножились публикации, рассеянные в журналах и в сборниках различных жанров, даже тогда, когда, главным образом во Франции, принимались некоторые меры для устранения корреляционных рисков распада и изоляции: начаты пятилетние историографические обзоры работ по амфорологии в *Revue des Études Grecques* (1987, 1992, 1997, 2002 и 2007); а также выпуск с 1993 г. под эгидой Международного Академического Союза *Corpus International des Timbres Amphoriques, grecs et latins*, который на сегодняшний день насчитывает десяток толстенных томов⁴; проведение международных конгрессов, организованных французами в Афинах в 1984 г., в Стамбуле в 1994 г., а также датчанами в Афинах в 2002 г. и т.д.

II) Состояние дисциплины к 1980 г.

Давайте приступим теперь к животрепещущему сюжету, который появился накануне этой маленькой революции конца XX века.

К тому времени было установлено, что в определённый период (прежде всего между IV и I вв. до н. э.) в некоторых греческих полисах (примерно в тридцати) клеймили часть амфор, очевидно весьма различную в зависимости от места и времени. Оттиски выполнялись главным образом на одной из ручек или на обеих, иногда на горле, в исключительных случаях на тулове или ножке. Штамп (без сомнения

⁴ Латинский раздел курирует Хозе Р. Родригес, университет Барселоны.

из обожженной глины) должен был быть разбит в конце употребления, поскольку уже был использован.

Клейма, выполненные этими штампами, крайне разнообразны. Они в основном большие – от 2 до 5 см, прямоугольной или круглой формы, а также овальные, треугольные, или разнообразные «фигурные». Они чаще рельефные, хотя встречаются и вдавленные (в последнем случае их называют «энглифическими»). С одной стороны надписи в клеймах содержат имя в номинативе или генетиве, а также этникон (выполненные иногда в сокращённой форме), отдельные буквы, монограммы, названия месяцев, даты различных календарей, или, крайне редко, как мы это увидим в конце статьи, указание стоимости. С другой стороны – в клеймах встречаются различные изображения, которые мы условно называем «эмблемами» (в основном они банальные и чаще всего более или менее близкие к культуре виноделия). Позволю себе особо отметить, что все эти составляющие клейм встречаются отдельно или скомбинированы более или менее комплексно.

Фундаментальная задача специалистов, начиная с середины XIX века, состояла в том, чтобы составить, образно говоря, «удостоверение личности» этих памятников, используя некоторые традиционные методы:

1) Прежде всего, необходимо было установить происхождение клейм. В легенде некоторых из них мог, как мы только что отмечали, присутствовать этникон или полисная эмблема («цветок» на Родосе, «орел на дельфине» в Синопе). Место происхождения других можно было установить более или менее гипотетично, учитывая их зону распространения. Так, Родос с приблизительно 150000 экз., является наиболее крупным производственным центром клеймёных амфор, тем более, что там главным образом клеймились обе ручки амфор и в результате на одном сосуде оказывалось два, а с дополнительным – даже три клейма. За ним следуют другие центры, которые представлены десятком или несколькими десятками тысяч экземпляров: Фасос, Книд, Синопа, Гераклея Понтийская; несколькими тысячами или сотнями – Херсонес Таврический, Кос, Менда, Аканф, Айнос и т.д.; единицами – Смирна, Иерапитна и т.д. В общей сложности в настоящее время известно около трёхсот тысяч амфорных клейм, но они были оттиснуты серией штампов или матриц, число которых, следовательно, было менее значительным, хотя и они предположительно исчисляются тысячами и даже десятками тысяч.

2) Во вторую очередь, удалось уточнить значение главных элементов, содержащихся в клеймах. Наиболее простыми для интерпретации оказались надписи, которые были обычно наиболее полными и наименее лаконичными: а именно те, где упоминались помимо этникона имена (с отчествами или без них), иногда сопровождаемые указанием названия магistrатуры, которая в принципе была ежегодной (жрецы Гелиоса на Родосе, астиномы и даже агораномы в Синопе и Херсонесе Таврическом, «демиурги», «фрурархи» или «андроны» на Книде). Эти клейма также могли содержать и имена «фабрикантов», чьё социо-профессиональное занятие редко упоминалось в клеймах (керамевсы,

керамархи или эргастериархи), то есть «гончары», «главные гончары» или «владельцы мастерских», в любом случае названия относились к изготовителям и владельцам глиняной посуды, но никак ни к каким-либо коммерсантам. Однако задача в понимании содержания клейм становилась значительно более трудной, когда эти подробности в оттисках отсутствовали, то есть для большинства тех клейм, где мы имели дело только с единственным именем, более или менее сокращенным или сокращенным до состояния монограммы: тогда надо было найти косвенные аргументы, чтобы уточнить (с большей или меньшей вероятностью) – шла ли речь о магistrатах или о владельцах мастерских или даже (на маленьких дополнительных клеймах, оттискивавшихся в течение некоторого времени на Родосе) о мастерах или «контрактниках», скорее, чем о простых рабочих-гончарах. Это же касается и эмблем, одной или нескольких, которые зачастую сопровождали эти надписи. Даже если они иногда легко идентифицировались как «значимые», то они не определялись как «смысловые»: только меньшая часть исследователей поняла, что эти эмблемы важны не своей эстетической, анекдотической или рекламной ценностью, но своей принадлежностью к одной или нескольким системам, административный характер которых оставалось выяснить.

3) Учитывая широкое распространение амфорных клейм, их датирование столь же необходимо и ценно, как и определение места их происхождения. Только тогда они могут быть использованы как надёжный материал для интерпретации раскопок и для анализа распределения клейм во времени. Датировка опиралась на использование некоторых традиционных методов, основанных на внешних критериях, связанных с условиями находки клейм (главным образом, стратиграфических) или на внутренних критериях, таких как сочетание в клеймах имен магистратов и фабрикантов. В наиболее благоприятных случаях (Родос, Книд, Фасос, Синопа) в результате стало возможным получить хронологические «вилки» всего в десяток лет и, таким образом, определить более узкие датировки, чем те, что предоставляют монеты или парадная керамика.

Таким образом, со временем Б.Н. Гракова и В. Грейс образовался довольно прочный фундамент знаний, но, начиная с 1970–1980 гг. стали ощущаться, как мы это увидим ниже, ограниченность и недостаточность методик, которые требовали разработки более высокопроизводительных, а иногда – более изощрённых методов анализа.

III) Современное состояние методов исследования

Первым и наиболее важным из этих новых методов было исследование амфорных мастерских: целью было не только выяснить их конструктивные особенности, но и изучить их обширные производственные свалки, достаточно достоверно отражающие выпускавшуюся мастерскими продукцию. Случайно открытый в Херсонесе Таврическом в начале XX в., а затем систематически продолженный в Великой Греции в 1960–1970 гг., этот метод не находил отклика в странах Восточного Средиземноморья до 1980 г. Затем он получил довольно широкое распространение на Фасосе при обстоятельствах, о которых

я отметил выше, а также в Египте, на Книде, в Самофракии, в Керкире, Синопе⁵ и т.д.

Исследования в этих регионах, прежде всего, привели к ощутимому увеличению числа известных центров, производивших свою амфорную продукцию, клеймённую или неклеймённую. Складывается двойственное впечатление:

1) Большая часть греческих населенных пунктов были способны произвести керамическую тару, в которой они нуждались, порождая почти бесконечное разнообразие форм и амфорных модулей, количество которых превышает любую возможность запоминания, начиная от среднего потребителя и заканчивая самым опытным контролером.

2) Число известных греческих населенных пунктов, в которых осуществлялось клеймение керамической тары, значительно выросло по сравнению с тем, что предполагалось ранее (сейчас их определено более пятидесяти, хотя, несомненно, их было намного больше, принимая в расчет те серии оттисков, которые удалось выделить, но происхождение которых остается неопределенным). Списки клейм некоторых крупных центров, производивших керамическую тару, так же иногда были существенно пополнены, как, например, произошло с Мендой, к клеймам которой недавно отнесены оттиски так называемой группы «Пармениска», которую ранее относили к Пелле⁶. Напротив, списки клейм других центров несколько сократились: так, например, среди серии клейм Коринфа выделены оттиски Керкиры; Фасос лишился клейм, принадлежащих Аканфу, Менде и Айносу.

Амфорный материал, содержащийся в этих производственных свалках мастерских может, очевидно, датироваться и традиционно по его стратиграфическому расположению (горизонтальному а также вертикальному) и контексту находок (монетам и парадной керамике). Между тем, когда речь идет о клеймах, то появляются и другие возможности датирования, которые часто являются более точными и исключительно надежными.

В результате, в наиболее благоприятных случаях нам предоставляется возможность пополнить «пакеты эпонимов», связанных с различными фабрикантами, а также лучше расположить их в относительном порядке, что позволяет по совпадению данных разработать все более и более тонкие классификации. Так, раскопки мастерской Калонеро позволили определить в составе приблизительно шестидесяти «ранних» фасосских магistratov (первые две трети IV в.) фундаментальное различие между клеймами чиновников, которые были современниками фабриканта Аристагора и теми, которые были

⁵ См.: Амперер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 8–31. Среди недавних публикаций см.: Garlan Y. Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue (avec la collaboration de Hikmet Kara), Varia Anatolica XVI, Corpus International des Timbres Amphoriques 10. 2004.

⁶ См.: Garlan Y. L'origine mendéenne du groupe de Parméniskos (en grec) // Αρχαιολογικό Εργοστή Μακεδονία και Θράκη. 2005. No. 19. P. 141–148.

современниками сыновей Демалка (имена которых известны по официальным списках фасосских магистратов, архонтов и феоров того же времени). Речь идет об уникальном примере, так как чаще положение осложняется из-за множества фабрикантов, клейма которых засвидетельствованы в одной и той же свалке. Объяснить это можно двояко: либо «оборот» фабрикантов был очень быстр, либо у владельцев нескольких рядом расположенных мастерских появилась злополучная идея сделать общую производственную свалку.

Когда клейма содержат только упоминание ежегодных магистратов, по крайней мере появляется возможность получить результаты, аналогичные предшествующим, сравнивая периоды существования более или менее одновременных мастерских: именно это было сделано при изучении поздних клейм Фасоса (примерно между 330 г. и концом III в. до н.э.) благодаря данным, предоставленным мастерскими Хиони, Калонеро, Керамиди, Кукоса, Кунофиа, Молоса и Вамбури Аммудиа⁷.

В результате для такого центра, как Фасос, где было обнаружено по крайней мере около пятнадцати амфорных мастерских и частично раскопано семь из них, датирование клейм наглядно прогрессировало на протяжении двух последних десятилетий. Этому способствовало и накопление в этот период традиционной информации о фасосских клеймах, предоставленной поселенческими слоями, погребальными комплексами (главным образом из курганов Северного Причерноморья, своевременно проанализированных С.Ю. Монаховым⁸) и большими потребительскими складами (такими, как склад в саду французской Школы и колодец, называемый «шахтой Вальма» на Фасосе, «дом виноторговца» на Елизаветовском поселении в дельте Дона и т.д.), которые играют в амфорологии ту же роль, что и монетные «клады» в нумизматике.

С другой стороны, свалки амфорных мастерских способны предоставить и другую важную информацию об организации производства амфор и их клеймении. Наилучшая иллюстрация этому имеется на Фасосе, где удалось таким образом доказать, почти бесспорно, что единственное имя собственное, фигурирующее на «поздних» клеймах, принадлежит не «фабрикантам», как об этом думали раньше, но ежегодным магистратам. По крайней мере, только этим можно объяснить тот факт, что в мастерской Кукоса, которая функционировала, как мы это знаем, более полувека, обнаружены клейма, содержащие около шестидесяти имён.

Фабриканты же в клеймах были в этот период представлены только косвенно (личными эмблемами), которые им ежегодно диктовались

⁷ См.: Garlan Y. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH. 2004–2005. Т. 128–129.

⁸ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999; он же. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.

государственной властью, как это показывает пример мастерских Кукоса, Калонера и Молоса, которые, в год эпонима *Дейнона* содержали соответственно эмблемы полумесяц, мышь и женскую маску (табл. 1, рис. 1 b, c).

Аналогичное заключение можно сделать по материалам, обнаруженным в мастерской Керамидариа на Самофракии, и таким же образом полагать, что имена, фигурирующие на двух грушах клейм, недавно отнесённых к Книду: группы «с носом корабля» и «группы А Зенона», принадлежали ежегодным магистратам, а не фабрикантам. Мы с нетерпением ожидаем также публикацию нескольких тысяч кидских клейм, собранных в мастерских Resadiye, что, несомненно, позволит определить последовательность работавших там фабрикантов и порядок передачи эмблем на протяжении нескольких поколений⁹.

Таким образом, раскопки амфорных мастерских действительно открыли новый этап в изучении греческих амфор и амфорных клейм, особенно после того, как к этому были добавлены методы анализа глины, скорее химические, чем физические. Первые предоставляют необходимые справочные группы, в то время, как вторые дают возможность для случайного обнаружения инородных включений в свалках или скорее в местах распределения материала между различными мастерскими данного центра. Несмотря ни на что остается надеяться, что большинство местных археологов незамедлительно займутся поисками амфорных мастерских, чтобы спасти то, что еще сохранилось и чему угрожает опасность в наши дни, в основном из-за равнодушия, а также развития берегового и пригородного градостроительства.

Эти исследования на местности и в лабораториях способствовали появлению более конкретных знаний об амфорных клеймах, которые ранее оттачивались только в кабинетах (начиная с «протирок» и фотографий, ныне цифровых и легко поддающихся необходимой обработке).

Таким образом, появилась необходимость идентифицировать со всей тщательностью эмблемы: кончилось то время (по крайней мере, в теории), когда этот вопрос обсуждали с бесцеремонностью, без достаточных оснований и при отсутствии надежных иллюстраций. Поскольку то, что мы сейчас знаем об основных системах клеймения, подтверждает тот факт, что каждая из систем содержит набор определённых отличительных признаков легенд в оттисках.

Сумма наших знаний об основных системах клеймения теперь позволяет довольно убедительно анализировать важнейшие отличительные признаки легенд. Необходимо проводить систематизацию клейм по характерным признакам построчного разбиения легенды и особенностям начертания букв, что позволяет объединить их в отдельные стилистические группы (табл. I, рис. 2 а–с). При этом необходимо в дополнение ко всем более или менее видимым особенностям иметь качественное воспроизведение легенды.

⁹ Ж.-И. Амперер пока опубликовал только некоторые общие обзоры: см.: Bull. Arch. 1992. No. 90–95; 1997. No. 93; 2002. No. 143.

Кроме того, необходимо также учитывать деятельность отдельных «граверов»: эти последние являются ключевыми персонажами в изготовлении амфорных клейм, занимая промежуточное положение между магистратом и фабрикантом. Основываясь на том факте, что граверы иногда выбирались первыми, или – наиболее часто вторыми, можно установить таким образом вертикальные связи между эпонимами или, помимо того, горизонтальные связи между фабрикантами, как это хорошо показал покойный Николай Коновичи по материалам клейм Синопы¹⁰.

Учёт деятельности отдельных граверов иногда способствует пониманию целой системы клеймения: таким образом обстоит дело с клеймами Гераклеи¹¹. В настоящее время общепризнано, что наряду с большой группой энглифических оттисков, содержащих два имени, одновременно существовали клейма с именем ежегодного магистрата в родительном падеже и те, где ему предшествовал предлог ἐπί (табл. 1, рис. 3 а, б). Первоначально бытовало представление, что речь идет о разных одноименных магистратах, а то, что их оказалось избыточное количество, объяснялось по разному: разделением функции контроля между несколькими членами этой коллегии, или в постепенном распространении формы с «ἐπί» (которая сама по себе – вполне банальная) как демонстрацией укрепления государственного контроля в Геракле (достигшего кульминации с захватом власти тираном Клеархом в 363/362 г.). Но не проще ли допустить, что в Геракле, как и в других центрах амфорного клеймения (в Синопе, например), такие формальные изменения не имеют никакого административного или политического значения и зависели только от стилистических особенностей штампов отдельных граверов, выбранных фабрикантами. Так же обстояло дело в Геракле с фигурными клеймами, а также с оттисками, содержащими имена магистраторов в сильно сокращённой форме¹², таких как Ηα(ροκλής), Μό(λοσσος), Πα(υσαιάς Ι) и т.д. (табл. 1, рис. 4 а, б).

Отдельные случайные, и, тем не менее, крайне ценные уточнения дают возможность выявить «аномалии» гравировки, которые могут быть обнаружены в ходе тщательных наблюдений: переделка первоначальных штампов в форме «вариантов» или «надгравировок» с добавлениями в поле маленьких дополнительных эмблем (см. пример: на Фасосе штамп с именем Демалка и эмблемой амфора в дальнейшем был дополнен последовательно гроздью и воспроизведен в новой форме (табл. 2, рис. 5 а–с); или пример «перегравировки», когда новый элемент наносился после очищения поля штампа от уже существо-

¹⁰ В первую очередь см. его работу: Conovici N. Un astynome sinopéen mal connu, Démétrios I // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 49–70.

¹¹ См.: Kac V.I. A New Chronology for the Ceramoc Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. Aarhus, 2003. P. 261–278.

¹² См.: Garlan Y. Les graveurs des cachets amphoriques d'Héraclée du Pont // ΦΙΛΙΑΣ ΧΑΠΙΝ. Mélanges à la mémoire de Niculae Conovici. Calarasi, 2008.

вавших имен эпонимов (табл. 2, рис. 6 а, б), фабрикантов (табл. 2, рис. 6 с) или даже эмблем (табл. 2, рис. 7 а, б) и т.д.

Такие манипуляции с матрицами должны быть тщательно проанализированы, хотя они являются ни более чем поучительными исключениями из правил. Они позволяют нам установить подлинную роль рабочих-гончаров, «тайных героев» амфорологии (по очень удачному определению П. Видаль-Наке по поводу мелких предприятий платоновского определения города¹³), т.е., граверов штампов.

IV) Историческое значение амфорного клеймения

Каким бы пьянящим не являлось с интеллектуальной точки зрения изучение амфор и ещё более – амфорных клейм, оно, между тем, не может быть самоцелью. Оно очевидно может представлять подлинный интерес только в том случае, если способствует лучшему освещению жизни того или иного греческого полиса.

Для этого вначале необходимо, чтобы связи амфорологии с другими классическими дисциплинами стали более тесными, или скорее – снова наладились, по тому образцу, который существовал во второй половине XIX в., а именно:

- с нумизматикой, которая является очень близкой к амфорологии по многим параметрам;
- с иконографией, которую амфорология игнорирует слишком часто;
- и, конечно, с «большой» эпиграфикой и, главным образом, с ее разделом – ономастикой: последняя, являясь наиболее ценным помощником амфорологии, получает взамен незаменимые каталоги, которые дополняют оригинальные лапидарные документы многократно засвидетельствованными именами, орфография которых может меняться в зависимости от граверов, либо от эпохи, либо год за годом и по десятилетиям, и, может быть, таким образом, «схвачена за живое» филологами.

Лишённые статистики «универсальные» историки древней Греции, занимавшиеся изучением международной торговли, конечно, весьма благосклонно восприняли зашифрованные результаты, предоставленные амфорологами в виде большого числа диаграмм. Но они слишком часто забывали принимать меры предосторожности и вводить поправки, необходимые для корректировки статистических миражей. Они, например, не брали в расчет существование относительно большого количества неклеймёных амфор; изменчивость коэффициентов клеймения и объёмов сосудов. Порой забывалось, что существуют искажения, связанные с объемом полевых исследований и спецификой памятников, а также с качеством публикаций. Игнорировалась некоторая асинхронность античных памятников, а также недостоверность политических или чисто экономических факторов, которыми пытаются объяснить изменения в объёмах торговли и т. д.

¹³ Vidal-Naquet P. Les artisans dans la cité platonicienne // Vidal-Naquet P. Le Chasseur noir. Р., 1981. Р. 308.

Для обсуждения других сюжетов социально-экономической жизни греческих полисов, таких как семейные отношения между хозяевами-гончарами, керамическая эпиграфика также может стать новым информационным источником. Так, например, обстоит дело с Синопой.

Наконец, амфорология может или скорее должна выйти на еще более широкие исторические перспективы, когда будет решён коренной вопрос, поставленный ещё на заре керамической эпиграфики: какова была конечная цель греческого амфорного клеймения? Именно на него я и попытаюсь коротко ответить. При этом не интуитивно или выборочно аргументировано, но стараясь постоянно придерживаться всех доступных фактов. «Факты», конечно, чаще всего не дают никакого положительного ответа, но они много запрещают, позволяя, таким образом, продвигаться к истине, как это рекомендовал Карл Поппер – то есть, отрицая, методом исключения, «пяться». Вот, те главные выводы, которые я могу предложить читателям:

1) амфорное клеймение не было делом индивидуальной фантазии, так как оно становится понятным только в том случае, если предполагать его зависимость от неких систем, которые его структурируют; таким образом, оно выполняло скорее официальную, нежели личную или «корпоративную» функцию и являлось средством контроля;

2) оно предусматривало фиксацию не отдельных магистратов, фабрикантов или граверов штампов, но их сотрудничество: ответственные магистраты вкупе с фабрикантами должны были быть минимальным образом зафиксированы в штампах, причем системы эти были крайне переменчивыми в различных полисах и в различные эпохи; и граверы штампов могли внести затем некоторые вариации в применение этих инструкций, очевидно, не изменяя существенно их содержание;

3) клеймение касалось керамической тары, а не её содержимого: поскольку при случае те же штампы оттискивались на пифосах, черепице или на подставках для амфор;

4) оно не имело ничего общего с экспортом амфор, так как последние, независимо от того, клеймились они, или нет, встречаются в тех же пропорциях в местах производства и местах экспорта;

5) клейма оттискивались, как правило, весьма небрежно и, будучи плохо читаемыми, с самого начала не могли заинтересовать никого, кроме местных опытных чиновников, поднаторевших в их дешифровке (Табл. 2, рис. 8 а, б).

Эти элементарные констатации (особенно последняя) являются вполне очевидными для тех, у кого есть прямое, а не только книжное знание материала. Поэтому они уже давно заставили меня отказаться от тех квази-совокупных гипотез, которые были более или менее наивно привнесены в объяснение практики амфорного клеймения. Исключением можно признать только идею о налоговом контроле, которая имеет привилегию быть совместимой со всеми фактами, которые я только что резюмировал.

V) Новые вопросы, поднятые дешифровкой клейм Аканфа

Между тем, углубляясь в эту отрасль знания, которой я занимаюсь, я был вынужден отодвигать ответ на эти вопросы из-за необходимости «прочтения» замечательных «колесовидных» клейм.

Эти клейма, встречающиеся главным образом на севере Эгейды и в Причерноморье (где обнаружено более половины всех известных оттисков) и отныне признанные как бесспорно происходящие из Аканфа и датируемые последней третьей IV в. до н. э.¹⁴, представляют собой кружки от 15 до 30 мм в диаметре, которые могут сохранять свободное поле, но в основном оно разделено на некоторое число секторов (4, реже 3 и ещё реже 5 или 8). Каждый из этих секторов содержит букву, в исключительных случаях – две буквы, и даже различно расположенные монограммы. Эти клейма еще в начале нашего века оставались такими же необъяснимыми, какими были египетские иероглифы до начала XIX столетия. Исследователи без всякой уверенности довольствовались теми предположениями, что мы имеем дело либо с именами фабрикантов или магистратов, либо с цифрами.

Между тем, если придерживаться порядка размещения букв, то сравнение имеющихся легенд позволяет прийти к следующим заключениям:

1) В клеймах, которые являются наиболее типичными, с тремя или четырьмя секторами, одни буквы часто следуют за другими в таком порядке (каким бы он ни был), что они не могут принадлежать одному слову: например $\Sigma/\mathrm{K}/\mathrm{/P}/\mathrm{E}$ ретроградные (табл. 3, рис. 9а) $\mathrm{A}/\mathrm{P}/\mathrm{/T}/\mathrm{X}$ (табл. 3, рис. 11 а) $\mathrm{E}/\mathrm{N}/\mathrm{/P}/\mathrm{X}$ (табл. 3, рис. 11 д), $\mathrm{E}/\mathrm{M}/\mathrm{/P}/\mathrm{M}$ табл. 3, рис. 12 с), и т.д., тем более, что среди них достаточно часто встречаются монограммы {PX} (табл. 3, рис. 9 с; 11 с, д; 12 б)! Если предположить, что вся эта система клеймения в целом повинуется одному и тому же правилу, надо допустить, таким образом, что легенда «колесовидного» клейма никогда не должна была быть предметом непрерывного чтения: даже, когда существует соблазнительная возможность, как в случаях с $\mathrm{A}/\mathrm{K}/\mathrm{/A}/\mathrm{N}$ (табл. 3, рис. 9 б) и $\mathrm{A}/\mathrm{M}/\mathrm{/F}/\mathrm{I}$, признать этники Аканфа и Амфиболиса.

2) Каждая из этих легенд, в свою очередь, может быть разделена на два небольших сегмента, каждый из которых обычно состоит из двух, иногда из одной, и даже из трех букв.

3) В зависимости от их содержания, эти сегменты должны классифицироваться по двум категориям, которые всегда фигурируют в каждом клейме (см. табл. 1, рис. 4). Легче всего выделить, по крайней мере, в первом приближении, тот сегмент, который включает монограмму {PX}, а также все буквы или сочетания букв, которые, кажется, могут играть ту же роль: не только P/X и X/P , но также АГ, АМ, АН (табл. 3, рис. 9 б), АХ, ИМ, КМ, АО (табл. 3, рис. 12 д), М (табл. 3,

¹⁴ См.: Garlan Y. La lecture des timbres «à la roue» d'Akanthos (en grec) // Αρχαιολογικό Εργοστάτι Μακεδονία και Θράκη. 2005. Vol. 19. P. 181–190; Garlan Y. L'interprétation des timbres amphoriques «à la roue» d'Akanthos // BCH. 2006. Vol. 130.

рис. 9 с; 10 а–с) М/Е (табл. 3, рис. 10 д), редко в виде монограммы {МЕ}, М/Н, П/М (табл. 3, рис. 12 с), М{ПХ}, П/Е (табл. 3, рис. 11 б), Т/Р, Т/Х (табл. 3, рис. 11 а). Большая часть этих сочетаний букв не может относиться к имени собственному или титулатуре и, таким образом, все они, кажется, имеют ценность, которую я определяю при первом подходе как «техническая». Они также не относятся к другой категории сегментов, которые скорее составлены из сокращений имен собственных, которые могли принадлежать, как мне кажется, ежегодным магистратам: А/Θ, А/К (табл. 3, рис. 9 б), А/Π, А/Р (табл. 3, рис. 11 а) Δ (табл. 3, рис. 10 а–с), Δ/Е (табл. 3, рис. 10 д), Δ/Ι, Е/М (один раз в виде монограммы {EM} отличной от монограммы {ME} (см. табл. 3, рис. 9 с и 12 с); Е/Ν (табл. 3, рис. 11 д), Ζ/Ω, Η/Ι (табл. 3, рис. 9 д), Θ/Η, Θ/Ο (табл. 3, рис. 11 б), Λ/Α, Ν/Ι (табл. 3, рис. 12 б), Ξ/Ε, Π/Ε, Π/Ο, Ρ/Ο (табл. 3, рис. 11 с), Σ/Η, Σ/Κ (табл. 3, рис. 9 а) Φ/Ι (табл. 3, рис. 12 д).

4) Соединение информационных сегментов, принадлежащих каждой из этих двух категорий, составляет большое число возможных типов, которые иногда засвидетельствованы только в единственном штампе, но они встречаются чаще всего в нескольких вариантах (табл. 3, рис. 10), число которых колеблется, насколько мне известно, от двух до семи.

Рассматривая легенды, давайте проведём более углубленный анализ серий, которые их составляют, начиная с той, которая содержит «технический» аспект.

Ключ, как мне кажется, предоставляет монограмма {ПХ} (табл. 3, рис. 9 с; 11 с, д; 12 б) с последовательностью Π и Х (табл. 3, рис. 9 д) или Х и Π, которые могут указывать на число 5000, но которые могут также, как это часто видно по граффити на амфорах, относиться к их ёмкости: указание на количество хоев (хус в классических Афинах приближался к 3,25 л), который был единицей, лучше всего приспособленной к цифре пять в акрофонической системе Π(ευτε). Это вполне соответствует средней ёмкости амфор около пятнадцати литров, которые были в обиходе в повседневной жизни (πενταχοες). Отталкиваясь от этого, я попытаюсь выделить несколько других указаний ёмкости следующим образом:

- Т/Р, иногда Т/Π, могут означать только τρ(εῑ χοες) или τρι(χους), судя по ёмкости одной из двух целых амфор, найденных в Причерноморье¹⁵;

- Т/Х (табл. 3, рис. 11 а) могут являться начальными буквами τ(έσσαρες) χ(όες) скорее, чем τρ(εῑ χοες).

- {ПХ}/Х означает, очевидно, шесть хоев (табл. 3, рис. 11 д);

¹⁵ Амфора приблизительно восьмилитровой ёмкости хранится в Ялте (инв. № A4-362). См.: Монахов С.Ю. Заметки по локализации керамической тары. II: амфоры и амфорные клейма полисов Северной Эгейиды // АМА. 1999. Вып. 10. С. 137, 138. Рис. 8.2; Турковский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В. Древние амфоры в Северном Причерноморье. Киев, 2001. С. 52. Рис. 31.1; Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... С. 85, 204. Табл. 58.1.

– {ПХ}Е (табл. 3, рис. 11 с) и П/Е (табл. 3, рис. 11 б), встречающиеся соответственно в двух и в одиннадцати антропонимах, мне кажется, имеют то же значение. Это предпочтительнее, чем видеть в первом сокращении добавление пяти хоев в монограмму и одного хоя или гекта, а во втором сокращении – ёмкость пяти гектов. Я предпочел бы обнаружить в том и другом случае две начальные буквы П/Е(унте) в применении к хоям, которые либо упомянуты в монограмме П в начале, либо подразумеваются как бывшие ранее в сокращении Т/Р;

– А/Н (вопреки видимости) никак не может входить, как уже отмечалось, в состав этникона Аканфа (табл. 3, рис. 9 б): так как на «колесовидных клеймах А/К встречается также с А/М, Х/П и П/Х, а также А/М встречается с Θ/Ο и Φ/Ι (ретроградное), или, возможно, А/Н с Θ/Η (*infra*). Так как А/Н, кажется, является здесь эквивалентом А/М, то речь идет, должно быть, о сокращении, не ἀγι(γεῖον), а ο ἀν(φορέūς) или ἀμ(φορέūς): это слово действительно применялось в греческом языке не только к любым видам сосудов различного объема, но относилось и к единице ёмкости (содержащей часто восемь *choes*, то есть приблизительно двадцать литров, которую часто путали с метретом).

– Аббревиатура А/Г(скорее чем А/П) может стоять взамен ἀγι(γεῖον) и обозначать, как амфору, так и метрет, иногда единицу измерения, а иногда определенный тип сосуда;

– М или М/Е (направление буквы Е позволяет различать антропоним Е/М), или еще монограмма {МЕ}, обозначают не только единицу ёмкости (которая в Афинах составляла около 39 литров, то есть 12 хоев), но еще и вид сосуда, объем которого в Аканфе был равен приблизительно 34,1 литра, если судить по экземпляру, найденному недавно в Прикубанском некрополе Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко¹⁶.

– М/Н вполне возможно обозначает demi-метрет, Μ(ετρητής) / "Ницкус".

Дешифровка клейм Аканфа пока сохраняет ряд проблем, некоторые из которых, очевидно, могут быть решены.

- так в начале второй строки в двух матрицах антропоним Νι(-), К, который предшествует {ПХ} (табл. 3, рис. 12 б) или М не может означать количество котил (слишком маленькая единица для оценки ёмкости амфоры): лучше предположить, что он добавлен к имени собственному, сокращенному в первой строке для создания аббревиатуры Νι//К(--).

- также, как П в предыдущем случае, М во второй строке двух вариантов Е/М имеет продолжение в Е/М//П (--) как сокращение этого антропонима (табл. 3, рис. 12 с): в случае с Р(унте) Μ(έτρα) это невозможно, а Π(унте) Μ(έτρα) предоставили бы слишком размытое указание.

- как исключение также бывает, что оба сегмента букв легенды не дополняют друг друга как обычно, но располагаются рядом вертикально: например сегменты Х/П и Н/Г в свободном поле клейма

¹⁶ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... С. 85–86, 204 (в мм, Н: 790; Но: 690; Н1: 310; Н3: 194; Д: 432; д: 100).

(табл. 3, рис. 9 d), или возможно сегменты Θ/Н и А/Н в варианте с 4 секторами¹⁷ (табл. 3, рис. 12 а).

Таким образом, в общей сложности дешифруется немногим более 90% штампов (приблизительно 112 из 120) и клейм (1484 из примерно 1600), которые я смог идентифицировать: этот материал был объединен в табл. IV. Таким образом, остаток, весьма незначительный, включает в себя некоторые последовательности, которые меня озадачивают по различным причинам: О/Л или Л/О (табл. 3, рис. 12 d), I/M (скорее чем M/I), A/X, или еще вариант Ф/- /I / -.

Другие еще более странные легенды были, конечно, опубликованы, но я их игнорирую из-за невозможности проверить предложенные чтения.

Само собой разумеется, для того чтобы подтвердить мою интерпретацию «колесовидных» клейм, я хотел бы получить больше информации о содержащих их амфорах. Но я к несчастью не смог изыскать другие возможности проверки, главным образом за неимением доступа к материалам из раскопок некрополя Аканфа, где обнаружено множество амфор «с колесовидными» клеймами¹⁸.

Что касается П/Х и М/Е как указания на ёмкости сосудов, то мне кажется, что в силу их относительной частоты находок в самом Аканфе (35 и 33 %) и на части северного побережья Эгейского моря (в среднем 10 и 75 %), маленькие амфоры были относительно более распространены в месте их производства, а большие – в местах их экспорта.

Кказанному можно добавить (и это по моему весьма показательно), что «колесовидные» клейма никогда не встречаются на аканфских черепицах.

В тот период, когда в Аканфе производились амфоры с «колесовидными» клеймами, как представляется, каждый из владельцев мастерских (не менее десяти согласно количеству вариантов штампов) ежегодно располагал несколькими штампами, соответствующими различным ёмкостям амфор, которые он был способен или имел намерение изготавливать.

Некоторые из более или менее твердо установленных выводов в отношении амфор Аканфа требуют использовать вновь полученные данные при рассмотрении такого дискуссионного вопроса, как конечная цель греческого клеймения. До сих пор на него отвечали, как мы это видели выше, более или менее гипотетическим образом, на основании документальных данных, полученных при исследовании

¹⁷ Это наиболее «экономичный» способ чтения в первой букве второй строки, которое представляется как эта: Λ/Θ конечно сокращение известного антропонима, но я не вижу того, что означали бы Н/Н или Ν/Η во второй строке.

¹⁸ Материалы, обнаруженные при исследовании примерно 400 могил были опубликованы. См.: Kaltsas N.E. Akanthos I, La fouille de la nécropole en 1979 (en grec). 1998: но на 133 интересующих нас амфор в публикации отведено в общей сложности только десяток строк (п. 222). См. также: Bull. Amph. 2002. №. 187.

клейм крупных производственных центров, таких как Родос, Книд, Фасос, Синопа и Херсонес Таврический, клейма которых могли включать, образно говоря, любые виды указания — за исключением ёмкостных¹⁹!

Так как проверить ёмкость изготавляемой амфоры до обжига сосуда практически невозможно, необходимые параметры амфоры достигались в ходе работы мастера на гончарном круге. Эти параметры определялись, разумеется, эмпирическим путем с учётом некоторых линейных параметров, которые легко проконтролировать с помощью определённых по размеру палочек или веревок²⁰ (не прибегая к каким-либо арифметическим формулам, как это порой представляется). Но, чтобы достигнуть наверняка этой цели, гончару нужно было (исключая желание осуществить подлог или добиться чуда точности) стремиться сделать амфору такого объема, в особенности общего, который слегка превосходил бы её теоретическую ёмкость. Эта предосторожность была необходима для того, чтобы сгладить погрешности уменьшения размера сосуда (примерно на 1/8) в процессе сушки и обжига, а также предусмотреть объём слоя смолы, которой покрывалась внутренняя часть сосуда, а также высоту горла, объём пробки и воздушной подушки, необходимой для «жизни» вина. Такой приблизительный результат признавался удовлетворительным и был принят, без сомнения, во всех оптовых сделках в надежде на то, что индивидуальные отклонения от нормы в ту или иную сторону в итоге более или менее уравновешивали друг друга²¹. Ёмкость сосуда могла быть проверена в ходе розничной торговли, на что иногда указывают граффити на стенках или ручках амфор.

В этом отношении показательно, что Аканфу принадлежало относительно высокое число «модулей» (термин, который я предпочитаю «стандартам», чтобы устраниТЬ любую ссылку на разнообразные нормы ёмкости, которые относились бы к одной и той же единице). В Аканфе их действительно насчитывается более дюжины на четверть века, и предполагается еще больше в других центрах, где амфоры производились веками (таких как Синопа, Гераклея или Херсонес Таврический²², и без сомнения также Родос и Фасос).

Почему тогда современные исследователи долгое время писали и часто повторяли, что, в каждом из греческих амфорных центров существовал только один, или максимально, два или три амфорных

¹⁹ При современном состоянии наших представлений не исключена возможность найти такие же указания для других центров, например, Родоса.

²⁰ Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 70–71. С.Ю. Монахов также опубликовал очень хорошую работу о технике изготовления амфор. См.: Монахов С.Ю. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // ВДИ. 1984. № 1. С. 109–128.

²¹ Как показывают многочисленные тексты, где упоминается большое количество вывозимого вина, оно оценено в амфорах, *kéramia* или *kadoi* (-сосуды), но не в *métrètes* (-мера ёмкости).

²² Я не могу здесь цитировать многочисленные статьи С.Ю. Монахова по этому поводу.

«стандарта» (не уточняя никогда, на чем основывалось их понятие «стандартов»: на особенностях формы, ёмкости или метрологических единицах?). Совершенно очевидно, что это происходило из стремления интерпретировать амфорное клеймение как меру контроля за ёмкостью изготавляемых сосудов.

Между тем трудно представить, чтобы у потребителей, и даже у древних контролеров, была возможность узнать быстро и уверено, хотя бы и приблизительно, ёмкость циркулирующих на рынке амфор в хоях? Это было возможно для групп амфор малой ёмкости, которые были для них обычны, но, разумеется, не для всех тех бесконечно разнообразных сосудов, с которыми они могли иметь дело.

Имелся, однако, хороший способ, очень простой, помочь потребителям и даже контролерам в их оценках: он заключался в том, чтобы указывать в клейме предусмотренную для амфоры ёмкость. Возникает вопрос, почему эта практика не распространилась широко и почтому в Аканфе её приняли только временно?

Вопреки первым впечатлениям, приверженцы тезиса «амфорное клеймо – гарантия ёмкости», скорее окажутся в затруднительном положении, если будут ссылаться на пример Аканфа. Перед ними возникнет следующая альтернатива:

– если они будут продолжать утверждать, что контроль за ёмкостью был главной конечной (либо даже единственной) целью греческого клеймения, то им трудно будет объяснить, почему Аканф, очевидно, был единственным центром, в котором эта идея была адаптирована способом столь же практическим, сколь и рациональным – указание ёмкости сосуда включено в само клеймо;

– либо они должны признать, что клеймение в Аканфе действительно некоторым образом предполагало контроль за ёмкостью, но его не было в других греческих населенных пунктах.

Я всегда придерживался того мнения (меньшинства), что клеймение отвечало скорее требованию налогового контроля. Этот вывод, как мне казалось, был хорошо совместимым с той фактологической базой, которой мы располагали. Что же изменилось, после новой аканфской интерпретации клеймения?

Мне кажется, что эта интерпретация легко включается в мою предварительную гипотезу и соответствует экономической практике древних греков. Вполне вероятно допущение, которое не меняет общего вывода, что налогообложение на амфорное производство могло быть по разному регламентировано как в отдельных центрах, так и в различные периоды. На протяжении четверти века в Аканфе, в отличие от большей части других центров (21 предположительно?), принимали в расчет при налогообложении не только число амфор, но также и их ёмкости. Таким образом, легко объясняется тот факт, что в последнем случае упоминаются в клеймах только ёмкости сосудов.

Я сожалею о том, что не могу предоставить читателю решающие аргументы, которые, выясняя конечную цель амфорного клеймения (или по крайней мере одну из ее главных конечных целей), позволили бы серьезно продвинуться в понимании греческой экономики. Во

всяком случае, это повод отложить на неопределенный срок дискуссию – до того момента, когда мы сможем сопроводить наши умозаключения «достаточной» документальной базой. Прежде чем уступить этому вечному позитивистскому миражу (который хорошо примиряется с духом накопления многочисленных скрупулезных исследований), стоит, мне кажется, рискнуть сделать некоторые прогнозы, чтобы продвинуть обсуждение и стимулировать, таким образом, анализ необходимых для его решения археологических артефактов.

В заключение я хочу обратить внимание на тот очевидный факт, что, хотя практика амфорологии предполагает предварительную объёмную механическую работу по сбору, записи и классификации материала, она требует также некоторых способностей анализа и концептуализации. Она, таким образом, не ограничивается простым коллекционированием сосудов или клейм, и не развивается только кумулятивно, постепенно накапливая фактологическую информацию. Если мы рассматриваем прошлое амфорологии, мы должны констатировать, что ее развитие было подчинено ритму маленьких гносеологических революций, как та, о которой мы только что узнали, и которые изменяют сразу и поиск документов, и взгляд, которым мы смотрим на них, и наши представления, которые мы себе составляем относительно исторической действительности. Амфорология, иными словами, требует критического усилия, которое позволяет превзойти предубеждения, порожденные господствующей идеологией, переодетой в «здравый смысл», и заставляет скорее говорить о самих объектах, ища ответ у их производителей и их потребителей. Именно поэтому я полагаю, мы ещё далеко не исчерпали ту информацию, которую содержат амфоры и амфорные клейма для характеристики греческой экономики. В этом месте я бы охотно применил к ним краткую фразу, почерпнутую у Теодора Монода: «*Если бы я знал все об одной песчинке, я бы знал всё обо всем*».

Y. Garlan

PROGRÈS RÉCENTS DE L'ÉPIGRAPHIE AMPHORIQUE GRECQUE EN OCCIDENT

Progrès récents de l'épigraphie amphorique grecque en Occident
Après une brève historiographie du sujet, est dressé un état de la discipline vers 1980. C'est-à-dire à la veille de son renouveau. Celui-ci s'est traduit en premier lieu par la recherche et la fouille des dépotoirs de rebuts céramiques jouxtant les ateliers antiques: à Thasos, en Egypte, à Cnide, à Samothrace, à Corcyre, à Sinope, etc. On y a trouvé des images fidèles de la production des amphores et un moyen aussi de comprendre leurs systèmes de timbrage. L'étude minutieuse de la composition des timbres s'en est trouvée encouragée: des emblèmes aussi bien que des inscriptions, avec les caractéristiques formelles propres aux graveurs de cachets sollicités par les magistrats éponymes ou par les fabricants. Des «groupes stylistiques» sont ainsi apparus et toutes sortes de

«manipulations matricielles» (variantes, surgravures, regravures contribuant beaucoup à la datation relative des timbres). C'est sur cette base factuelle enrichie que l'on a pu également réexaminer la signification du timbrage amphorique, et pencher généralement pour une interprétation fiscale. Mais une nuance importante vient d'y être introduite, grâce au decryptage des timbres «à la roue» d'Akanthos, qui se distinguent de la masse des timbres grecs par la mention des capacités visées par les potiers (metrete, demi-metrete, amphore, 6, 5, 4 ou 3 choes): ce qui laisse entendre qu'on y calculait ainsi les taxes amphoriques, qui ne devaient dépendre ailleurs que du nombre des objets produits.

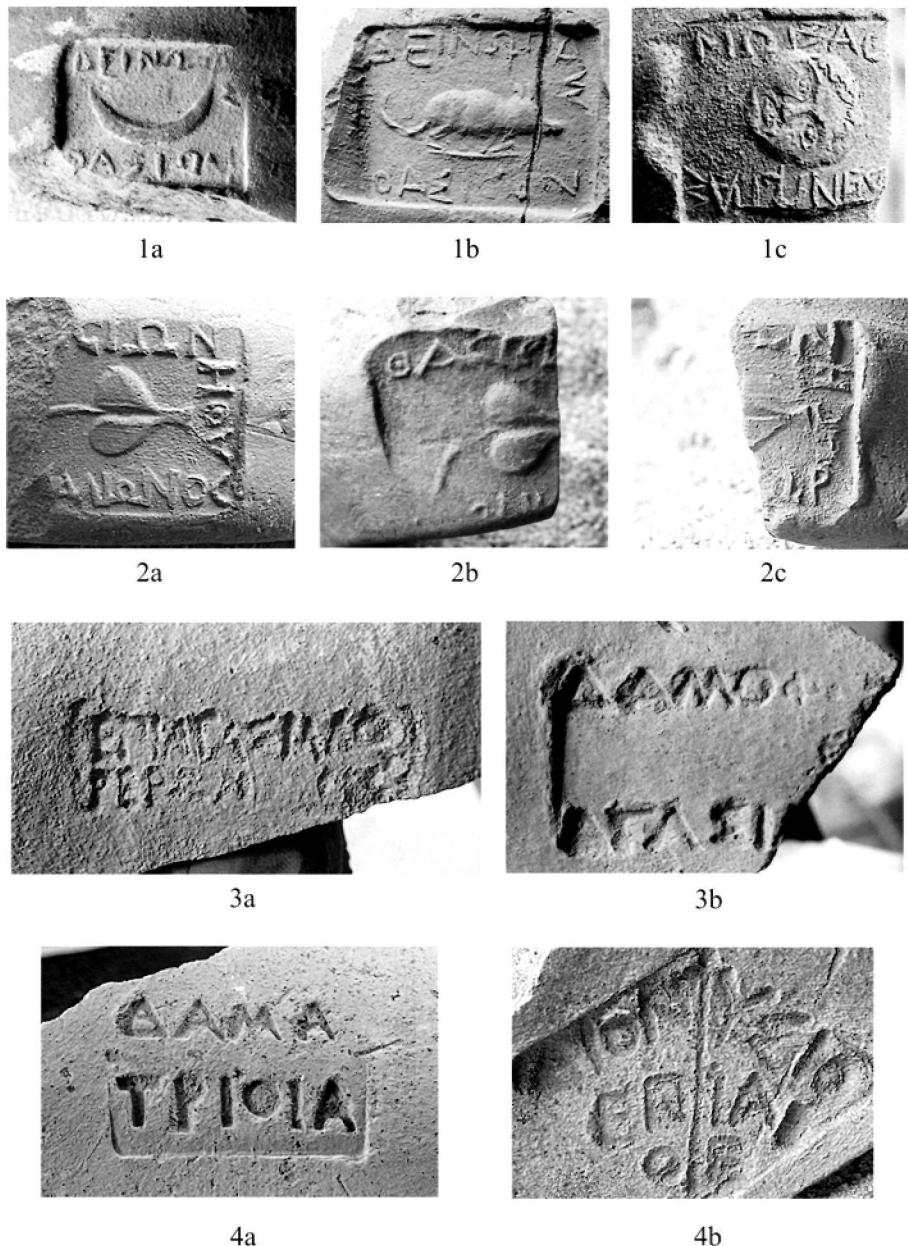

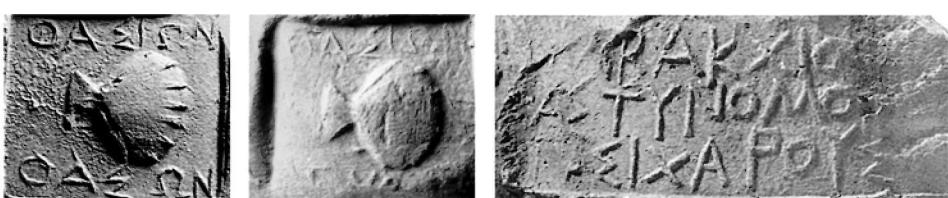
Табл. 1, рис. 1 – клейма из фасосских мастерских Koukos, Kalonéro и Molos, функционировавших в период деятельности эпонима Δεινώπας; рис. 2 – стилистическая группа фасосских клейм «лист плюща» с именем эпонимов Σιφαλιών Αθηναίων, Φιλωπίδης Σιφανών Ηγηνών; рис. 3 – гераклейские клейма фабрикантов Γέρων и Δαμόφων (с гроздью) с магистратом Ἀγασίλλος с наличием и отсутствием предлога ἐπι; рис. 4 – клейма гераклейских фабрикантов Διούντιος и Δαμάτριος, выпущенные при магистратах Λιθήρ и Ἰα(ροκλῆς)

5a

5b

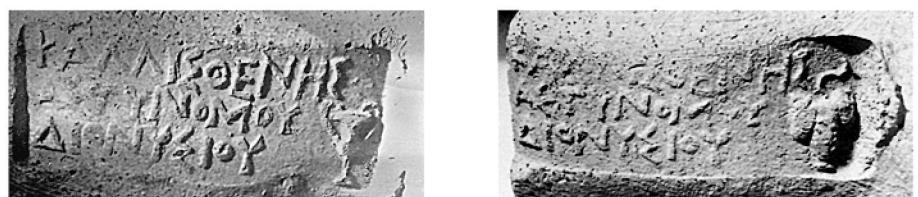
5c

6a

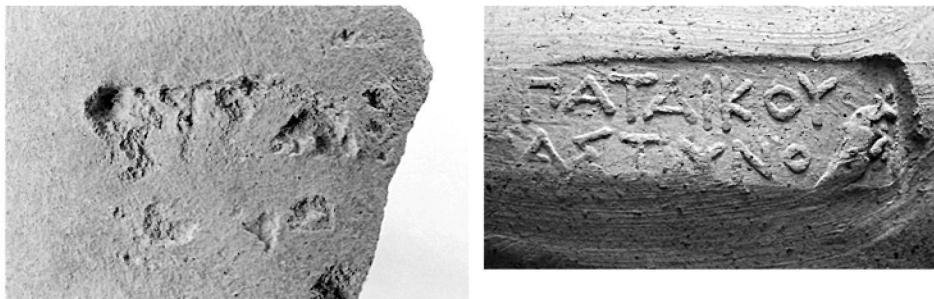
6b

6c

7a

7b

8a

8b

Табл. 2, рис. 5 – в фасосской мастерской Molos, клеймо Δημάλκης с амфорой, дополненный в течение года гроздью (5 б), затем это изображение появилось в другом штампе (5 в); рис. 6 а, б – перегравировка имени фасосского эпонима Δεινόπας на Θάσων (с раковиной); 6 в – перегравировка имени синопского фабриканта Βάκχιος (2) из имени его отца Κώρυλος при эпониме Πασιχάρης (IOSPE 1803); рис. 7 – перегравировка канфара (IOSPE 2472) в гроздь (IOSPE 2476) при синопских эпонимах Διονύσιος (3) Ἀπολλοδόρου и Διονύσιος (4) Δαμάτριου (в мастерской фабриканта Καλλισθένης);
рис. 8 – неполные отиски Гераклеи и Синопы.

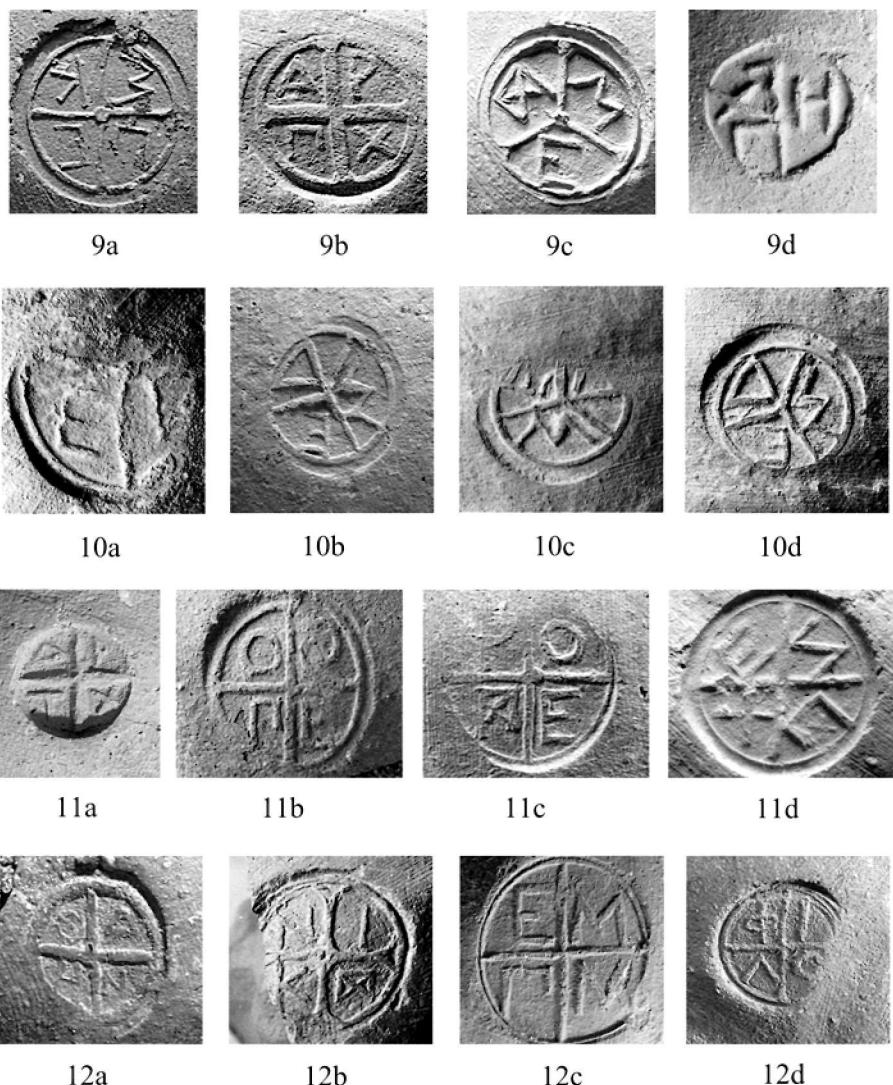

Табл. 3, рис. 9 – типы «колесовидных» клейм и аналогичные им оттиски: а) $\Sigma/K//P/E$ – ретроградное; б) $A/K//A/N$; в) монограммы $\{\Pi\}$ и E/M ; г) $HГ$ и $\Pi\chi$ ретроградное; рис. 10 – варианты сегментов $\Delta/(E)$ и $M/(E)$; а–с) Δ и M/E ретроградные; рис. 11 – показатели вариантов емкости: а) A/P и TX ; б) Θ/O и P/E ; в) P/O и $\{\Pi\}/E$; г) E/N и $\{\Pi\}/X$; рис. 12 – другие показатели емкости в «колесовидных» клеймах и близкие им значения: а) Θ/H и A/N ; б) $N/I//K/\{\Pi\}$; в) $E/M//P/M$; г) $\Phi/I//\Lambda/O$.

Таблица IV. Сопоставление антропонимов и меремкости в «колесовидных» клеймах: \oplus – окружность с четырьмя секторами и с прямыми буквами; \otimes – окружность с тремя секторами и с наклонными буквами; \otimes – окружность с четырьмя секторами и наклонными буквами; ■ – простая окружность; □ – квадрат; ○ – прямоугольник.

	3 ch.	4 ch.	5 chose			6 ch.	1 amph.			1 ag.	1/2 m.	1 m.
Матrices (-)	TP(1)	IX	{IX}	IX	XII	{IX}E	PE	{IX}X	AM	AN	AT	MН
Matrices (-)	5	1	7	15	6	2	15	1	3	7	1	4
Exemplaires	10	16	141	112	36	45	72	3	39	103	6	19
Total: 1467	10	16			406			3	142		6	19
%	0,7	1,1			27,6			0,2	9,6		0,4	59
ΛΘ			2(1)			2(1)						5(1)
ΑΚ			5(1)	11(1)					13(1)	97(4)		
ΑΠ				10(1)			2(1)					€
ΑΡΙ		16(1)		36(2)			10(2)			1(1)		78(5)
ΔΕΙΜ ?			51(1)		3(1)							1(1)
ΔΙ							8(1)					149(6)
ΕΝ, ΕΜΠ		1(1)	39(2)	19(2)		10(1)	4(2)	3(1)		6(1)		22(2)
ΖΩΡ			5(1)		3(1)							18(2)
ΗΤΗ				8(1)	8(1)		3(1)					21(4)
ΘΗ												40(2)
ΘΟ				2(1)			1(1)			2(2)		1(1)
ΛΛ		2(1)		22(3)				14(1)				2(2)
ΝΙΚ			44(1)	11(1)								30(1)
ΞΕ			1(1)				12(1)					11(1)
ΠΕ												20(1)
ΠΟ		1(1)					1(1)			4(1)		23(2)
ΡΟ		6(2)					35(1)			3(1)		116(2)
ΣΗ			7(1)									2(1)
ΣΚ				7(3)	1(1)			5(1)				79(1)
ΦΙ							24(3)	2(1)				211(5)

	3 ch. ch.	4	5 choes			6 ch.	1 amph. ag.			1 m.	1 m.
	TP(I) IX	{IX}	IX	XII	{IX}E	IE	{IX}X	AM	AN	AI	ME}
Ex.	14	16	147	114	36	45	72	3	29	117	6
Total: 1484	14	16		414			3	146	6	19	866
% ₆	0.9	1.1		27.8			0.2	9.8	0.4	1.3	58.2
Aθ			2 ⊕			2 ⊕					5 ⊕
AK			5 ⊕	11	⊕			13	115		
AΠ			10	⊗		2 ⊗					
AP1	16		38			10 ⊕⊕			1 ⊗		
ΔEM ?		⊕	⊕⊗○								
ΔI			51 ⊕	3 ⊕							
EN, EMII						8 ⊕					
EN, EMII	1 ■		19	10 ⊕	4 ⊕⊕⊗	3 ⊕			6		
ZQP		5 ⊕	3 ⊕						⊕		
HTH			8 0	8 0		3 ⊕			15		
EH									⊕○		
EO								2 ⊕○		1 ⊕	
AA	2 0		22	⊕○○				14			
NIK			44 ⊕	11 0						3 ⊕⊗	
										30	⊕

	3 ch. ch.	4 ch.	5 choes			6 ch.	1 amph. ag. m.	1/2 ag. m.	1 m.					
	TP(I) TX	{IX}	IX	XII	{IXX}E	IIH	{IXX}X	AM	AN	A Γ	MH	{ME}	ME	M
Ex.	14	16	147	114	36	45	72	3	29	117	6	19	18	775
Total:	14	16		414				3	146		6	19		73
1484													866	
%	0.9	1.1		27.8			0.2		9.8		0.4	1.3		58.2
ΣE			1 \oplus			12 \oplus							11 \oplus	
ΠE													20 \oplus	
ΠO		1 \oplus				1 \otimes							23 $\oplus\oplus$	
$P O$	10				35 \oplus								116 $\oplus\oplus$	
ΣH			7 O											2 O
ΣK						5 \oplus								
ΦI				7	1 \oplus		24 $\oplus\oplus\oplus$		2 O				79 \oplus	
				$\oplus O O$									211 $\oplus\oplus\oplus\otimes O$	